

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 461–469
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 461–469
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-461-469>, EDN: UIZDXS

Научная статья
УДК 821.161.1.09-1|19/20|:27-242

Особенности воплощения Иов-сюжета в русской поэзии второй половины XX – начала XXI вв.

Т. В. Зверева

Удмуртский государственный университет, Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, tvzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Аннотация. В исследовании поставлен вопрос об исторической динамике темы Иова в русской литературе. Являясь связующим звеном между Ветхим и Новым Заветом, Книга Иова ставит важнейшую для человечества проблему теодицеи – оправданности Божественного миропорядка. В работе особое место уделено философскому эссе Александра Сопровского «О книге Иова», являющемуся программным эстетическим текстом 1970-х гг. В центре исследовательского внимания – стихотворения второй половины XX – XXI вв., в которых переосмыслены основные мотивы Книги Иова (страдание, бунт и примирение). Большинство текстов, о которых говорится в статье, впервые стали предметом развернутого филологического анализа (О. Чухонцев «Пусть те, кого оставил Бог...», А. Кушнер «Другие дети ведь и жёны же не те!..», Б. Кенжеев «Проповедует баловень власти...», Е. Шварц «Стихи о Горе-Злосчастье и бесконечном счастье быть меченной Божьей рукой», Е. Каминский «Иов», С. Стратановский «Иов и Араб», С. Минаков «Про Иова», Г. Русаков «Разговоры с богом», С. Магид «Теперь меня отпусти, мой Боже...»). Перечисленные поэты принадлежат разным поэтическим школам и разным временам (советская и постсоветская эпохи), но их тексты составляют устойчивое смысловое единство. По мнению автора исследования, все стихотворения можно разделить на две группы. К первой группе относятся тексты, в которых тема Иова соотносена с темой поэта. Во вторую группу входят произведения, в которых Иов-ситуация осмыслена как общечеловеческая, универсальная.

Ключевые слова: вечные сюжеты, Иов-сюжет, современная поэзия, рецепция, историческая поэтика

Для цитирования: Зверева Т. В. Особенности воплощения Иов-сюжета в русской поэзии второй половины XX – начала XXI вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 461–469. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-461-469>, EDN: UIZDXS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The peculiarities of the actualization of the story of Job in the Russian poetry of the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries

T. V. Zvereva

Udmurt State University, 1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russia

Tatyana V. Zvereva, tvzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Abstract. The study raises the question of the historical dynamics of the theme of Job in the Russian poetry of the second half of the 20th – early 21st century. As a link between the Old and New Testaments, the Book of Job poses the most important problem of theodicy for mankind – the justification of the divine world order. A special emphasis is placed on Alexander Soprovsky's philosophical essay "On the Book of Job", a programmatic aesthetic text of the 1970s. The research focuses on the poems of the second half of the 20th – 21st centuries, that reinterpret the main motifs of the Book of Job (suffering, rebellion and reconciliation). Most of the texts mentioned in the article have been the subject of extensive philological analysis for the first time (O. Chukhontsev, "May those whom God has forsaken...", A. Kushner, "Other children and wives are not the same!...", B. Kenzheev, "The darling of power preaches...", E. Schwartz, "Poems about Woe the Woeful and the infinite happiness of being marked by God's hand", E. Kaminsky, "Job", S. Stratanovsky, "Job and the Arab", S. Minakov, "About Job", G. Rusakov, "Conversations with God", S. Magid, "Now let me go, my God..."). The listed poets belong to different poetic schools and different periods (Soviet and post-Soviet), but their texts form a stable semantic unity. According to the author of the study, all the poems can be divided into two groups. The first group includes texts in which the theme of Job is correlated with the theme of the poet. The second group includes works in which Job's situation is understood as being common to humankind and universal.

Keywords: eternal plots, the story of Job, modern poetry, reception, historical poetics

For citation: Zvereva T. V. The peculiarities of the actualization of the story of Job in the Russian poetry of the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 461–469 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-461-469>, EDN: UIZDXS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Был человек в земле Уц, имя его Иов;
и был человек этот непорочен, справедлив
и богобоязнен и удалялся от зла...»
Иов 1: 1

«За что? Кто судил? Кто мог так рассудить?»
Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»

Книга Иова – один из немногих ветхозаветных текстов, ставших частью новозаветной истории. По праву считающаяся самым поэтическим и в то же время загадочным текстом Ветхого Завета, эта история обретает особое значение в «смутные», катастрофические времена, когда человек сталкивается с «онтологической неуютностью» мира. Как отметил С. Аверинцев, «лишь кризисы, ознаменовавшие начало и дальнейшее движение Нового времени, раскрыли глаза на глубины, которые таятся в Книге Иова» [1, с. 295].

Еще Ю. Лотман обратил внимание на то, что в отечественной филологии вопрос о рецепции данного сюжета «скорее констатирован, нежели исследован» [2, с. 266]. Действительно, Книга Иова оказала существенное влияние на русскую словесность, начиная с С. Полоцкого и М. Ломоносова. По свидетельству П. Киреевского, Пушкин «учится по-еврейски с намерением переводить Иова...» [3, с. 91]. В черновиках поэта не было обнаружено следов этого перевода, однако важен зафиксированный Киреевским факт пушкинского внимания к библейской книге. Большинство работ, в которых ставится вопрос о влиянии Книги Иова на русскую литературу, обращено к творчеству Ф. Достоевского, что вполне объяснимо, так как для писателя именно этот ветхозаветный сюжет предопределил человеческую историю: «...новых идей нет, идеи все те же одни, начиная с Иова» [4, т. 16, с. 346]. В начале XX в. к Иов-сюжету обращались такие поэты, как Д. Мережковский, Вяч. Иванов, Вл. Шилейко, М. Волошин, С. Есенин, М. Цветаева и др. Следует также упомянуть вышедшую в начале XX в. книгу Л. Шестова «На весах Иова», оказавшую сильнейшее влияние на религиозно-философскую мысль этого периода. Несмотря на то, что о вопрос о рецепции Книги Иова в русской культуре уже поднимался, на сегодняшний день в отечественном литературоведении имеется только одна монография, касающаяся исторической динамики Иов-сюжета, – «Книга Иова в русской поэзии XVIII – начала XIX вв.» В. Коровина [5]). Как следует из ее названия, разработка заявленной проблемы ограничена

хронологическими рамками: исследование начинается с главы, обращенной к ломоносовской «Оде, выбранной из Иова», и заканчивается анализом стихотворений Федора Глинки. Проблема функционирования Иов-сюжета в русской культуре XX в. также была поставлена в статье Л. Левиной [6], но рамки статьи не позволили автору осветить ее в полной мере, что еще раз указывает на необходимость обобщающего монографического исследования. Отметим, что последние годы отмечены возрастанием интереса к данной теме [7–9].

Задача настоящей работы – рассмотрение интерпретаций ветхозаветного сюжета в современной поэзии (1970–2010 гг.). Хронологические рамки не случайно включают в себя 1970-е гг., они отмечены выходом философского эссе Александра Сопровского «О книге Иова», ставшего и новым витком в разработке темы, и своеобразной творческой теодицеей для целого поколения поэтов. Отметим, что Сопровский – один из немногих поэтов советской эпохи, чьи откровения теснейшим образом связаны с экзистенциальным и религиозным опытом:

А мне судьба всегда грозила,
Что дом построен на песке,
Где все, что нажито и мило,
Уже висит на волоске,
И впору сбыться тайной боли,
Сердцебиениям и снам –
Но никогда Господней воли
Размаха не измерить нам [10, с. 73].

Погружаясь в чтение ветхозаветной книги, Сопровский заостряет внимание на том, что Иов в ней «не осуждает, но вопрошает. Он <...> не задается вопросами “почему” и “для чего” – требует только правдивой картины мира. Поэзия беспощадной судьбы разбивается о поэзию благородного недоумения» [10, с. 105]. В соответствии с предложенной в эссе логикой миссия Поэта заключена в вечном взывании к Творцу, в постановке «последних вопросов». Подлинная поэзия открывает сопричастность тварного мира и человеческих судеб к Божественной воле. Поэт, таким образом, повторяет путь Иова. Размышления Сопровского становятся своеобразной точкой отсчета, именно с них в русской литературе второй половины XX в. начинается воскрешение ветхозаветного сюжета (заметим, что одновременно к Книге Иова обратился Андрей Тарковский, в фильмах которого явлен все тот же поиск духовных опор

в условиях советского времени). К данному сюжету также обращаются О. Чухонцев, А. Кушнер, Б. Кенжеев, Е. Шварц, С. Стратановский, С. Магид, С. Кекова, С. Минаков, Е. Каминский, Г. Русаков. Подчеркнем, что предметом анализа в данной статье являются только те стихотворения, в которых Иов-сюжет эксплицирован. (За пределами рассмотрения остается творчество И. Бродского, поскольку Книга Иова определила не только философскую направленность стихотворений и поэм Бродского, но и во многом повлияла на конструктивные принципы его поэтической системы. Соответственно, эта тема лежит в области отдельного монографического исследования.)

Вслед за Сопровским в русской словесности Книга Иова часто соотносена с темой поэта. Так, в одном из программных для Олега Чухонцева стихотворений «Пусть те, кого оставил Бог...» поэт находится среди «гонимых» – тех, кто обречен на бездомное существование. Однако изгнанничество поэта из мира «пыжащихся в гордыне» обусловлено его избранностью, возлюбленностью Богом. Чухонцев прочерчивает не согласующуюся с привычными земными законами «обратную» логику, в соответствии с которой спасение обретается не на путях стяжания, а на путях «недоли»:

кто нищ, бездомен и гоним,
он, прах, гребущий по дорогам,
как Иов, не оставлен Богом,
но ревностно возлюблен им [11, с. 187].

Напротив, компромисс с «сильными мира сего» («цветущими», «гребущими лопатой», «берущими за семерых») не оставляет шансов на возрождение. Авторский голос открыто декларативен, что подчеркнуто доминированием глаголов изъявительного наклонения в сочетании с частицей «пусть» («пускай»). Стихотворение написано в середине 1970-х гг., в нем ощущим пафос открытого противостояния советской системе с ее конформизмом и глухотой к вечным истинам («...пускай в Совете многотумном / на них и шапки не горят...»).

Тема поэта в ее соотношенности с Иов-сюжетом прослеживается и в творчестве Елены Шварц, поэта ленинградского андеграунда. «Из всех людей больше всех меня восхищают: Моисей, Иов, Франциск Ассизский», – писала она в одной из своих заметок. Наиболее последовательно Иов-сюжет воплощен в «Стихах о Горе-Злосчастья и бесконечном счастье быть меченной Божьей рукой». Название стихотво-

рения отсылает читателя к «Повести о Горе и Злочастии» (полное название «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин»), одному из первых русских текстов XVII в., напрямую перекликающихся с проблематикой Книги Иова. Шварц разворачивает метафору жертвенного поэтического огня, который испепеляет ее лирическую героиню («А теперь я сделалась головней...»). Горе говорит сквозь поэта так, как когда-то оно говорило через Иова:

Иов не сам говорил,
Горе его говорило.
Горе Богу под стать,
С горем у них союз.
Может с Ним говорить.
Все любимое отнял,
Да и нужное все забрал.
Горько смеялся Бог
И шутя крест на лбу
Пальцем в саже
Чертил, стирал... [12, с. 184].

Сам же Иов является лоном/чревом для тех, кто терзает его тело и говорит через него:

Крошкой, Йовёнком-крошкой
В Иове большом как в матрешке,
О сколько же нас в нем!
От века мы говорили в нем,
Терзали болью своей как огнем... [12, с. 185].

В соответствии с авторской логикой, горе – метка Творца, необходимое условие как для горения поэтического огня, так и для духовного спасения. Для понимания данного текста важен его эпиграф, восходящий к поэме Г. М. Хопкинса «Крушение Германии» («...to breathe in all-fire glances»). Поэма Хопкинса посвящена «Блаженной памяти пяти францисканских монахинь, изгнанных по законам Фалька, утонувших между полночью и утром 7 декабря 1875 г.». Из морской пучины звучат голоса прославляющих Бога монахинь. Голос лирической героини Шварц рвется и из чрева Иова, и присоединяется к хору, звучащему из морской бездны. Возникающий в тексте мотив de Profundis сопряжен с темой поэзии, так как поэзия по своей сути – всегда взывание к Богу из глубины, с последней грани отчаяния (отсюда парадоксальный завет Н. Пунина Анне Ахматовой «Не теряйте своего отчаяния»).

Еще один смысловой аспект Иов-сюжета развернут в стихотворении Бахыта Кенжеева «Проповедует баловень власти...» Автору, как и читателю, хорошо известен «сентиментальный

конец» ветхозаветной истории («...прослезится Всесильный, вернет Он // и верблюдов ему, и овец» [13, с. 320]) и, главное, понятна бессмысленность человеческого бунта против Творения («...знаем мы – зря бунтующий житель // так ярится на участь свою» [13, с. 320]). Иов услышан, ему возвращено отнятое, но разговор неожиданно переведен в иную смысловую плоскость – авторская рефлексия связана не столько с самим героем, у которого «все пройдет, все пойдет, как по нотам», сколько с «Адамовыми внуками», в чьих руках находится Книга Иов

Но листающий книгу Иова
Словно жидкое олово пьет [13, с. 320].

Чтение Книги сродни утрате невинности и изгнанию из сада. Стихотворение начинается с вложенной в уста «витии» проповеди счастья, однако почти сразу мажорная тональность сменяется на противоположную («смертный», «беспокоишься», «плачешь», «старческой», «мышьяком», «прокаженный», «печальны», «тоски»). Для понимания авторского замысла значимо, что в финальных строках возникает тема утраты голоса, которая чрезвычайно важна для ветхозаветной книги (не случайно Иов и его друзья проводят в молчании семь дней). Вместе с тем, лишив Иова всего, Вседержитель оставляет ему голос; и этот Голос-Слово-Логос становится той спасительной нитью, которая соединяет «человека с земли Уц» с небом. Испивший же «жидкого олова» обречен на нищету. Символична присущая кенжеевскому тексту «косноязычность» (неточные рифмы, диссонансы, обилие резких синтаксических переносов). Затрудненность поэтической речи знаменует потерю авторской власти над словом. Кенжеев воспроизводит образ обожженного «жидким оловом» Слова, однако именно в финальных строках происходит прорыв в область поэтического – «затрудненность» стиха сменяется точными рифмами, диссонансы уступают место ассонансам (о-ли-ни-ио-ло-но-о-оло-о). Поэтическое Слово рвется из обожженной гортани (подобное понимание творчества отчасти восходит к Мандельштаму, для которого тема затрудненной поэтической речи является едва ли не определяющей).

Сопряжение Книги Иова с темой поэта происходит и у Евгения Каминского, поэта, пришедшего в российскую словесность в 2010-е гг. Его поэтический цикл «Иов» состоит из пяти частей, при этом в первых трех стихотворениях

автор профанирует библейский сюжет. Цикл начинается с размышлений жены Иова, в которых предельно обнажена логика повседневности:

Может, могла бы о многом,
но не могу о другом:
сколь еще быть под Богом?
выть под Его сапогом?

Это когда вам ни воли,
ни пикника у реки,
только знакомый до боли
путь в небеса напрямки [14].

Друзья Иова дают неутешительные советы и призывают к предательству («Уж лучше быть Иудой, // чем заживо тут гнить»), однако вопреки этим советам герой Каминского продолжает свою тяжбу с Богом:

Я бьюсь, а ты словно не видишь,
молю, а ты глух, как к врагу.
Тебе бы хотелось на идиш?
А я лишь по-русски могу [14].

Если третье стихотворение цикла «Стоны Иова» заключает в себе цепь риторических вопросов, остающихся без ответа, то в завершающем цикл «Смирении Иова» герой наделен атрибутами поэта – «бумагой» и «чернилами»:

И смерть не могла свое жало
вонзить, ведь, покуда ты гнил,
в тебе это жгло и дышало,
бумагу прося и чернил [14].

По Каминскому, миссия поэта сводится к его растворению в бытии («Тем легче с финалом смириться, // чем меньше в тебе от тебя», «Еще раствориться осталось // во всем, чем дышал здесь Творец»), в достижении предела, где «Я» уступает место Творению (показательно, что в последнем стихотворении личное местоимение «Я» отсутствует). Таким образом, структура лирического цикла Каминского повторяет структуру Книги Иова: от отчаяния – к осознанию того, что «прекрасный сценарий» жизни несбыточен, и человеку остается пройти путь, уготованный Творцом.

Тема Иова не репрезентативна для поэзии Светланы Кековой, поскольку в основании ее творчества лежит редкая для русской словесности идея благоговения перед созданным Творцом миром, однако Иов-ситуация предстает как частный случай более общей ситуации предстояния. Ветхозаветная и новозаветная образность соединяются в стихотворении «Обвинитель, мой страж и гонитель...», где автор напрямую обращается к имени Иова.

Обвинитель мой, страж и гонитель
молча держит ножа рукоять.
Помоги мне, мой ангел-хранитель,
помоги на ногах устоять.
.....
Что в крови растворяется? Слово.
Что в ночи истребляется? Свет.
Мы с тобою, как в Книге Иова,
перед Господом держим ответ... [15].

Тема Последнего Суда представлена и как универсальная (отсюда венчающая данный текст субъектная форма «мы»), и как собственно поэтическая. Второе представляется особенно значимым, так как стихотворение примыкает к ряду важнейших для русской литературы произведений, ставящих вопрос об ответственности Художника и цене его Слова. Ситуация предстояния в лирике Кековой выступает как онтологическая, бытийственная – от Авраама (на Авраам-сюжет указывает «ножа рукоять») до «державшего ответ» Иова и незримо присутствующего Христа (Слово-Свет и Слово-кровь восходят к христианскому сюжету об искупительной жертве). В этом же аспекте тема Иова развернута в цикле «Иней Рождества», где имя ветхозаветного героя упомянуто дважды. Обращаясь к Книге Иова, Кекова почти дословно цитирует ответ Господа «из бури»:

Как морю сказал Господь:
«Здесь предел
надменным волнам твоим»,
так человеку сказал Господь:
«Есть предел у души твоей» [16].

Господь-Художник предъясняет человеку грандиозность Творения. Поэт не может соперничать с этим замыслом, поскольку сам является лишь его частью – лирической героине/Пенелопе остается плести текст собственной судьбы, дудочкой/флейтой воспевая Божественное Творение (подробный анализ «Инея Рождества, в том числе и в контексте заявленной темы, представлен в исследовании Н. Медведевой [17]).

Если в творчестве вышеперечисленных поэтов Книга Иова соотнесена в первую очередь с темой поэтического Слова, то у А. Кушнера, С. Стратановского, С. Минакова, Г. Русакова и С. Магида Иов-сюжет осмыслен, прежде всего, как общечеловеческий.

В стихотворении «Другие дети ведь и жены же не те!..» Александр Кушнер вглядывается в возвращенные Вседержителем благословенные дни Иова, пытаясь ответить на вопрос, про-

звучавший когда-то в романе Ф. Достоевского «Подросток»: «И Иов многострадальный, глядя на новых своих детушек, утешался, а забыл ли прежних, и мог ли забыть – невозможно сие!» [4, т. 13, с. 330]. Важнейший для творчества Кушнера «оптический сюжет» реализован через метафору очков и слепоты. Зрение престарелого Иова не способно различить не только «нынешнее» и «прежнее», но и «стада» и «детей»:

Другие дети ведь и жены же не те!
Но Иов разницы не замечает, бедный.
Ему б очки твои, но их еще нигде
Нельзя достать. Увы, наш друг ветхозаветный
На чада кроткия глядит, как на стада [18, с. 168].

Дважды повторенное авторское восклицание («Другие дети ведь и жены же не те!») не услышано Иовым, как не увидена им разница между прошлым и настоящим. Универсальность воспроизведенного в стихотворении сюжета, его общечеловеческий характер подчеркнут глаголами настоящего времени, благодаря чему событие получает статус вневременного. На первый взгляд, сговорчивость кушнеровского героя с Творцом обусловлена забвением прошлого. Однако прошлое все же предъясняет свои права на настоящее – рисуемая автором идиллия подточена «тоской» и «возмущением», не находящими выхода вовне, но являющимися знаками смутной памяти. Обращение к библейскому сюжету становится для Кушнера поводом для разговора о существовании веры. Его подслеповатый Иов разрушает привычные представления о должном, здравый смысл уступает место блаженной слепоте, являющейся аналогом подлинной веры: очевидный мир вытеснен за пределы зрения, Иову не нужны очки, через которые он мог бы увидеть настоящее положение вещей. Кушнеровский герой обретает ту Вечность, где различий между «до» и «после» не существует.

Книга Иова – едва ли не самая значимая для творчества Сергея Стратановского. В основании большинства его текстов лежит архетипический сюжет, который можно обозначить как «встречу человека с Богом», оказывающейся, по существу, «встречей с реальностью»:

Бог говорил Иову:
«Слишком тебя я берег:
И от напастей берег
И от туманных дорог,
Где без лица и ног
Шляется лишь Ничто.
И вот задул из пустыни
ветер скорби великой

И время настало узнать
Кто ты есть перед Богом» [19, с. 18].

Поскольку реальность непостижима, то постоянное перед ней катастрофично, при этом сюжет испытания у Стратановского – это еще и встреча человека с самим собой – только отношения с Богом определяют глубину человеческой личности, и ответ на вопрос «Кто ты есть перед Богом?» тождественен ответу на вопрос «Что есть человек?».

В едва ли не программном стихотворении «Иов и араб» Стратановский обращается к судьбам двух героев – ветхозаветного Иова и коранического араба (Узайра), которые пережили сходный онтологический опыт (обоих Бог испытывает, оба ропщут на Бога, обоим возвращается то, что было отнято). Внимание автора в большей степени приковано к Иову (не случайно в названии стихотворения его имя упомянуто первым, а имя Узайра так и не будет названо). Встреча двух разделенных временем и пространством героев и определяет событийность данного текста. Араб приходит в «счастливый шатер» Иова, чтобы разрешить собственные сомнения, и затевает словесную тяжбу в надежде понять, почему в его жизнь не может вернуться прежнее счастье, которое, как ему кажется, в полной мере возвращено Иову.

Араб:
Человек несчастливый
в счастливый шатер твой
Я пришел к тебе, Иов,
желая понять, почему
Моя новая жизнь, жизнь вторая,
словно яма от рая,
с жизнью твоей разнится [19, с. 19].

В соответствии с кораническим сказанием Бог усыпил ропщущего Узайра на сто лет, а затем пробудил его. Однако Стратановский говорит о невозможности воскрешения – в изменившемся, уже навсегда *Другом* мире прежнему человеку нет места. Исчезновение Былого, невозможность его обретения и составляют сущность трагической коллизии. В свою очередь, трагедия Иова связана с «невозможностью *прежнего* счастья» – пережив утраты, сам человек становится *Другим*. Стихотворение строится на со-противопоставлении библейского и коранического сюжетов. Араб мечтает о возвращении прошлого, в то время как Иов по-прежнему ищет правды. Пережив «встречу с реальностью», Иов обретает новое зрение, но при этом по-прежнему вопрошает Бога:

Но мои сыновья... Их за что же?
Пусть я в чем-то виновен,
но их-то вина, в чем? [19, с. 20].

Четырежды повторенный один и тот же риторический вопрос («Их-то было зачем?», «Так зачем же...», «Их за что же?», «...но их-то вина, в чем?»), как и полагается, остается без ответа. В отличие от араба, взгляд которого направлен в прошлое, Иов мыслит будущим:

Не желай возвращенья
Попробуй по-новому жить [19, с. 20].

Именно эта надежда на будущее оказывается спасительной у Стратановского, катастрофический опыт приводит к рождению нового человека, которому Богом дана возможность прожить еще одну, *Другую* жизнь. Как писал в своем эссе об Иове А. Сопровский, «в неисчерпаемости живой жизни – ее тайна и величие Промысла, совершающегося в ней» [10, с. 89]. Отметим также, что идея будущей жизни будет провозглашена в Евангелии, т.е. Иов Стратановского стоит у истоков новой религии.

Следует, однако, отметить, что у Стратановского Иов так и останется не до конца смирившимся героем. Так, фигура задумавшегося Иова венчает стихотворение «В день Рождества – там, на небе...»:

Славят Бога, ликуя,
Соломон, Моисей, Авраам,
И Давид, то танцую,
То на цитре небесной играя,
Представляет Творенье...
Радостно всем на пиру,
И только Иов задумался... [20, с. 21].

Стихотворение «Про Иова» Станислава Минакова максимально приближено к тексту ветхозаветной книги, почти буквально воспроизводит ее поэтику, основанную на многочисленных повторах:

1. И тогда Саваоф говорит:
Я не слышу, что он говорит.
Погодите, пусть он говорит...
2. Все затихли, а он говорит... [21, с. 59].

По своему смысловому построению данный текст тяготеет к фрагменту. Минаков начинает стихотворение как бы с середины фразы («И тогда Саваоф говорит...»), оставляя за пределами текста предысторию. В этом аспекте можно говорить о связи данного стихотворения с «Одой, выбранной из Иова» Ломоносова, в обоих случаях речь идет о «выбранности» или фрагментарности текста.

Минаков прибегает к драматической форме (текст являет собой обмен репликами между героями), соответственно, в стихотворении отсутствует авторское слово как слово посредническое. Как уже было сказано выше, стихотворение почти дословно воспроизводит текст оригинала, однако при этом смысл ветхозаветной истории трансформирован автором. Иов готов принять смерть, но прежде чем умереть и уйти от зоркого ока Творца («Кого нету – не можешь имать / Даже Ты, даже Ты, даже Ты...»), Иов все же желает получить ответ на главный вопрос:

8. Но скажи, где же дети мои,
Где верблюды и овцы мои? [21, с. 59].

Символично, что этот вопрос расположен в композиционном центре стихотворения (8 строфа из 16). Как известно, в Книге Иова Бог не столько отвечает, сколько предъявляет Иову свое Творение, законы которого последний должен понять и принять, подчинившись внешней силе. «Роль катарсиса здесь играет покаяние Иова перед Богом, когда Иов признает свою неспособность судить о Боге по человеческим меркам, признает, что Бог действует в ином измерении, не укладывающемся в человеческое понимание. Тем самым покаяние Иова – это и есть постижение Бога, возникающее как *преодоление понимания*» [22, с. 48]. Стихотворение Станислава Минакова – одно из немногих (если не единственное), где Иов получает ответ:

10. Твои дети, стада – у меня.
Не пекись, не печалься о них.
Я забрал их от здешних корыт,
11. Чтоб сокрыть во чертогах иных [21, с. 59].

Чрезвычайно важно, что Саваоф дает ответ, который невозможен внутри Ветхого Завета. Ни Иову, ни его окружению неведомо бессмертие, человеческие судьбы исполняются в земном мире (Ветхому Завету знакома только идея прижизненного воздаяния). Указывая Иову на «чертоги», Саваоф говорит о Вечной жизни и воздаянии в Вечности. Тяжба Иова и Саваофа преодолена не только вследствие того, что первому явилось величие Творения, но и потому, что Иову отныне дано знание о том, что его сыновья живы. Таким образом, смысловой вектор в данном стихотворении может быть означен как движение от Ветхого Завета к Новому. Последние слова увидевшего Бога Иова («А теперь я увидел Тебя») – поэтическое свидетельство об «откровенной» евангельской истине.

В совершенно иной смысловой плоскости разговор о Книге Иова ведется у Геннадия Русакова и Сергея Магида.

«Разговоры с богом» Геннадия Русакова – поэтический цикл, занимающий совершенно особое место в русской литературе. Точнее, можно говорить о выходе за пределы литературы, поскольку эстетические функции здесь вторичны, поэт оставляет свое поприще и оборачивается новым Иовым, отказывающимся верить в благость сотворенного Богом мира. В «Разговорах с богом» наблюдается почти полное отождествление автора с лирическим героем, что также свидетельствует о преодолении эстетической границы и переходе к «прямому» высказыванию. Важно также, что в данном поэтическом цикле обнажен биографический сюжет – Русаков требует ответ за страдания близкого (цикл посвящен ушедшей жене – поэту Людмиле Копыловой):

Не смирюсь, не отдам, не прощу!
Покажись – я в лицо твое гляну!
На хребте к тебе камень втащу,
растрясу твою скудную манну! [23, с. 189].

Слово «Бог» Русаков пишет с маленькой буквы, и это низведение Творца значимо. Подобный накал авторской мысли почти неведом современной словесности – не удовлетворяясь разговором ветхозаветного Бога с Иовым, лирический герой Русакова пишет бесконечные «письма» в небо, сознавая, что это, выражаясь словами Бродского, «почта в один конец»:

Вот я, сочась слезами и слюной,
как Иов, жду у твоего порога.
Неужто ты, владыка, и со мной
опять начнешь свое – про носорога?
Про мощь твою?
Про то, как входишь в раж –
моря врасхлыст и в тряске твердь земная?
А ни к чему мне, господи, кураж:
я без того твою десницу знаю [23, с. 283].

Как точно отметила О. Лебедушкина, «тема русаковских “Разговоров с богом” – оправданное бесстыдство страдания» [24]. И все же есть черта, перед которой лирический герой Русакова останавливается, и этой чертой является сам Бог. Реальность Творца слишком очевидна в данном цикле, богоборчество парадоксальным образом оборачивается очередным поэтическим свидетельством бытия Божьего. Как и Иов, лирический герой Русакова не в состоянии смириться с миропорядком и, по существу, повторяет слова, сказанные когда-то Иваном

Карамазовым: «Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [4, т. 14, с. 214].

В этом же смысловом ключе написано стихотворение Сергея Магида «Теперь меня отпусти, мой Боже...». Через весь текст рефреном проходит мольба лирического героя об отпущении из земной юдоли/неволи в Вечность, не знающую различий между «направо» и «налево», «здесь», «сейчас» и «никогда»:

Так отпусти Ты меня на волю
вместе с рабою Твоей, рябою
душой туда,
где нет ни здесь, ни сейчас, ни возле,
где есть лишь то, что бывает после
и никогда,

где путь налево и путь направо –
все это, в сущности, переправа
в один конец,
где шум и гам большой перемены,
где вечная пятница после смены,
где жив отец [25].

Просьба об отпущении одновременно становится просьбой о смерти, об избавлении от земной боли. Важно, что лирический герой настаивает на своей «малости» («Я, в общем, маленький человечек») и пытается отречься от судьбы Иова («Я ведь не Иов»). Однако декларируемый Магидом отказ от тяжбы сам по себе не означает выхода из игры. Богу всегда нужно больше, нежели человек способен отдать, отсюда единственный звучащий в тексте вопрос, впрочем, остающийся без ответа: «Что же еще Тебе, Боже, надо?» Вырваться из тисков «зубной боли» у лирического героя возможности нет. Онтологический опыт Сергея Магида сходен с опытом И. Бродского, у обоих поэтов человек является «испытателем боли».

Таким образом, Иов-сюжет один из важнейших сюжетов в современной русской поэзии. Безусловно, отобранные для настоящего исследования стихотворения являются лишь частью обширного корпуса произведений, в которых авторы обращаются к Книге Иова. Поэтическое переосмысление ключевой для человечества Книги Иова не только выявляет движение «вечного сюжета» во времени культуры, но и формирует новые смысловые связи внутри библейского текста. В отличие от богословского комментария, «поэтический

комментарий» не может до конца претендовать на раскрытие «последних смыслов», но именно поэзия является необходимой ступенью к миру невидимого, т.е. приближением к той таинственной черте, на которой происходит встреча человека с Богом.

Список литературы

1. *История всемирной литературы* : в 8 т. М. : Наука, 1983–1994. Т. 1. 584 с.
2. *Лотман Ю. М. Избранные статьи* : в 3 т. Т 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн : Александра, 1992. 478 с.
3. *Киреевский П. В. Полн. собр. соч.* : в 4 т. Калуга : Гриф, 2006. Т. 3. 488 с.
4. *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.* : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
5. *Коровин В. Л. Книга Иова в русской поэзии XVIII – начала XIX вв.* М. : Водолей, 2017. 208 с.
6. *Левина Л. А. «Новый Иов» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской культуре XX века // Достоевский: Материалы и исследования.* СПб. : Наука, 1994. № 11. С. 204–220.
7. *Татаринев А. В., Рысухин В. С. «Сюжет Иова» в современной русской прозе // Наука. Образование. Современность.* 2024. № 3. С. 26–31. <https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-3-8>, EDN: TJHCZQ
8. *Баршт К. А. Библейская «Книга Иова» и «Иов многострадальный» А. М. Бухарева в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новый филологический вестник.* 2022. № 3. С. 180–201. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-3-180>, EDN: RQFNJE
9. *Адеишвили А. Д., Клеменова Е. Н. Метафорическая модель книги Иова в русской литературе 19 в. // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Филология.* 2021. Т. 136, № 3. С. 114–128. <https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-136-3-114-128>, EDN: OPFSIU
10. *Сопровский А. Правова поэта. Стихотворения и статьи.* М. : Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. 240 с.
11. *Чухонцев С. И звук и отзвук: Из разных книг.* М. : Рутения, 2019. 600 с.
12. *Шварц Е. Избранные стихотворения.* СПб. : Вита Нова, 2013. 240 с.
13. *Кенжеев Б. Послания.* М. : Время, 2011. 640 с.
14. *Каминский Е. Иов // Урал.* 2016. № 11. URL: <http://uraljournal.ru/work-2016-11-1594?ysclid=mfzjgj43x367173638> (дата обращения: 08.02.2025).
15. *Кекова С. Песочные часы.* М. ; СПб. : Atheneum ; Феникс, 1995. 95 с. URL: <https://vavilon.ru/texts/kekova1-1.html> (дата обращения: 14.02.2025).

16. Кекова С. Иней Рождества // Знамя. 2000. № 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=100> (дата обращения: 20.02.2025).
17. Медведева Н. Г. «Она и музыка и слово...»: поэтика стихотворного цикла Светланы Кековой «Иней Рождества» // Кормановские чтения. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2011. Вып. 10. С. 8–20. EDN: WNRLGF
18. Кушнер А. Таврический сад. Избранное. М. : Время, 2008. 526 с.
19. Стратановский С. Иов и араб. Книга стихотворений. СПб. : Пушкинский фонд, 2013. 32 с.
20. Стратановский С. Смоковница. Стихи разных лет. СПб. : Пушкинский фонд, 2010. 64 с.
21. Минаков С. Руслаим. Стихи разных лет. СПб. : Алетей, 2024. 318 с.
22. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Иов-ситуация: искушение абсурдом // Философская и социологическая мысль. 1991. № 8. С. 41–53.
23. Русаков Г. Избранное. М. : Время, 2008. 480 с.
24. Лебедушкина О. «Часть пространства, которая занята Богом...» // Дружба народов. 2002. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/5/chast-prostranstva-kotoraaya-zanyata-bogom.htm> (дата обращения: 15.02.2025).
25. Магид С. Стихи. URL: <https://vavilon.ru/textonly/issue9/magid.html> (дата обращения: 04.02.2025).

Поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 06.04.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 06.04.2025; accepted for publication 01.09.2025